

Ее постоянный переводчик на ММКФ сказал: "Когда я встречал ее в "Шереметьево", то ожидал увидеть кучу чемоданов, как обычно бывает у таких актрис. Но Ирен вышла с одним маленьким чемоданчиком — непонятно, как она умудрилась туда все уместить". А еще считается, что актриса должна быть капризной и избалованной после съемок у таких громких режиссеров, как Антониони ("За облаками") или Кесслевский ("Двойная жизнь Вероники" и "Три цвета: красный"). Ну согласитесь, не должна она — с растрепанными волосами, в потертой джинсовой курточке — нестись вприпрыжку по витой лестнице шикарного двухэтажного номера "Шератон Палас отеля" и кричать:

— Знаете, в России меня совершенно избаловали с гостиницей, это не квартира, это целый дом, здесь я могла бы привести жить еще три семьи.

— Ирен, а правда, что во время съемок "Предсказания" у Эльдара Рязанова вы сами готовили себе еду в гостиничном номере на электрической плитке?

— Да, потому что у нас не было полного пансиона и в гостинице не было ресторана... Кстати, вчера мы со съемочной группой собирались в моем номере и ели пищу.

— А какое ваше любимое блюдо?

— Вообще я очень люблю итальянскую кухню — пасту, разные вещи с оливковым маслом, рыбу — и люблю добавлять туда разные приправы, например, кориандр.

— Интересно, дома вы для кого скорее готовите — для себя или для друга?

— Для друга (смеется).

— Расскажите о нем. Как его зовут?

— Можно, я не буду говорить? Это такое личное... Ну, мы живем в отдельной квартире. И он тоже занимается театром.

— У вас дома есть животные?

— Мне очень хотелось бы, чтобы они были, но нам часто приходится уезжать — и ему, и мне, поэтому мы никого не заводим.

Гардероб

из разных фильмов

— Я родилась в Париже, мой папа — физик, а мама — психолог. Еще есть три старших брата. Два инженера и один музыкант. Сейчас я живу в Париже, но до восемнадцати лет я росла в Швейцарии, потому что в Женеве есть исследовательский центр физики, где работал мой отец.

— У вас строгие родители?

— Нет, они не строгие, но иногда мне доставалось, и меня ставили в угол. Я пыталась вести себя хорошо, но это не всегда получалось.

— В России тысячи девочек хотят стать актрисами...

— Мне тоже всегда хотелось играть, я с самого раннего возраста принимала участие в спектаклях любительских актерских трупп. В пятнадцать лет я играла для государственного телевидения Швейцарии, еще я играла во многих пьесах в театрах и с нетерпением ждала, когда мне исполнится восемнадцать, чтобы уехать в Париж, где я училась в школе драматического искусства в течение трех лет.

— А почему вы не могли уехать раньше 18 лет?

— Потому что мои родители хотели, чтобы я получила среднее образование и сдала все экзамены, чтобы у меня потом было больше возможностей. Хотя они понимали, что это для меня действительно огромное увлечение, потому что я все свободное время проводила, играя, и для меня было очевидным, что я пойду в актрисы.

— Сейчас вы играете в театре?

— В этом году я пять месяцев играла в парижском театре. И сейчас есть еще один проект, где меня рассматривают как театральную актрису.

— Ирен, понятие "французенка" у всех больше ассоциируется с высокой модой и элегантностью. А у вас такой беззаботный стиль...

— Нет, я вообще-то люблю платья и одно привезла с собой, но поскольку на улице дождь и холодно, то я вынуждена так одеваться. Вся одежда на мне — это из фильмов, в которых я когда-то снималась. Вот в этих зеленых замшевых сапогах я снималась в одном фильме, в этой джинсовой куртке — в другом. Все взято из разных мест, поэтому стиль получается разнообразным. Эту майку мне подарил брат на день рождения. А это украшение мне подарила его жена — он женился на девушке из Колумбии.

— Такое истинно женское хобби, как хождение по магазинам, у вас есть?

— Нет, я не люблю ходить по магазинам, у меня голова начинает от них болеть. Но если у меня не очень хорошее настроение, то я все равно что-нибудь себе куплю, причем нельзя сказать, что это будет что-то хорошее или то, что мне действительно нужно. Нельзя сказать, что я трачу много денег, но настроение после покупок у меня все-таки поднимается... Конечно, это не очень хорошая привычка.

Две недели с великим

итальянцем

— Ирен, что чувствует актриса рядом с Антониони? Вы сами-то ощущали себя звездой?

После нынешнего кинофестиваля Дейл Карнеги может смело отдыхать со своим знаменитым "Как завоевать людей...". Теперь искусству обаяния собеседников все будут учиться у милой француженки Ирен Жакоб, прилетевшей в Москву всего на пару дней со своим новым фильмом "Дело Маркореллы" (режиссер Серж Ле Перон). "Стреляет" в сердца она очень по-женски: незаметно, но всегда без промаха.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЗВЕЗДА С РУССКОЙ ЭЛЕКТРОПЛИТКОЙ

Ирен Жакоб: "Басилашвили утром ходил в парламент, а вечером..."

— Нет, у нас уже была одна самая главная звезда — Антониони. Он был маэстро. Тогда он постоянно говорил, что это последний раз, когда он снимает фильм. Но это была неправда, потому что сейчас он готовит следующую картину... Всегда проще работать с людьми, которые знают, что делают. Сложнее работать с непрофессионалами.

— Но вам было хоть чуточку не по себе?

— Нет, мне очень понравился сценарий, который я предварительно прочитала, и мне действительно очень хотелось играть эту роль. Потом я гордилась, что сыграла в этом фильме. Мне очень понравилось работать с Антониони, и я делала это с удовольствием. И потом, у этого фильма совершенно особая история, потому что в съемках принимал участие знаменитый Вим Вендерс как соавтор сценария, и он был на съемочной площадке. Приехало огромное количество журналистов, они очень хотели посмотреть, как работают Антониони и Вим Вендерс. Все время рядом бегали японские и испанские фотографы.

— Антониони снимает как-то необычно?

— Ой, с этим фильмом особая история, у меня раньше никогда такого не было. Сначала мы читали текст — например, две страницы. Потом Антониони три-четыре часа размышлял, какой план он будет делать, как будет ставить кадр. То есть он заранее ничего не планировал. То, чего он хотел добиться — это был как бы его вызов, — снимать только то, что

есть на экране. Обычно же делают много разных планов: справа, слева, крупный, издалека, а потом еще их режут, идет раскадровка.

А у Антониони один план снимается долго, длинным куском, и особенное удовольствие он получает, когда снимает так, чтобы потом ничего не пришлось вырезать при монтаже. Это придает особую важность всему происходящему, и это особенно ответственно. В результате план и кадр имеют очень большое значение... В общем, потом мы еще долго репетировали, и три-четыре раза пытались все снять камерой.

Мы снимали две недели на юге Франции, в Провансе. Я вставала, как только восходило солнце, где-то в семь утра. Я жила в очаровательном маленьком отеле, где было шесть комнат, — это было такое типично южное место, совершенно очаровательное, с маленьким садиком. За мной приезжала машина, и мы ехали на площадку.

— Вам всегда объясняли, что и как нужно делать?

— В принципе вы всегда не один ищите какие-то решения своей роли, вам должен помогать режиссер. Например, он говорит, что в этой сцене не нужно чувствовать ту грусть, которую вы чувствовали в предыдущей, и "мне нужно, чтобы ты выглядела более чувственной". Или он может попросить вас улыбаться в тот момент, когда вам кажется, что улыбаться совсем не нужно. Все эти маленькие хитро-

сти и сложности актерской игры ты находишь вместе с режиссером и партнером. Самое сложное — это чувствовать себя в своей тарелке в том, что ты делаешь, потому что в каждом фильме есть совершенно определенная созданная атмосфера и особенный персонаж.

— Какая же у вас маленькая хитрость?

— Надо почувствовать характер своего персонажа, его чувства, чтобы людям, которые смотрят фильм, было на самом деле любопытно, что происходит с твоим героем. Потому что если все будет предсказуемо, то в результате всем зрителям станет скучно. Действительно очень сложно быть непредсказуемой и в то же время рассказывать историю, которую ты знаешь. Здесь самое важное — найти нужный тон. Но когда ты все это находишь, действительно начинаешь получать удовольствие от работы...

Где живет идеальный партнер?

— Вы влюблялись во время съемок в своих партнеров?

— Да, со мной такое случалось, но редко с актерами, с которыми я действительно играла. Хотя они все были тоже очаровательны. Когда путешествуешь и работаешь вместе, это, безусловно, сблизжает, потому что нужно рассчитывать друг на друга и быть уверенным друг в друге. Это создает определенные отношения, особую связь. Я думаю, что если сердце свободно, то, конечно, ты можешь влюбиться. Но если сердце уже кем-то занято, то тут ничего не поделаешь.

— Но вас все-таки приглашали в ресторан, ухаживали за вами? Вам это нравится?

— Конечно, приглашали, но то, понравится мне это или нет, зависит от того, какой мужчина.

— А что он должен сделать, чтобы понравиться?

— Он должен быть очень нежным, деликатным и необычным. Для меня очень большое значение имеет нежность. (Ирен мечтательно задумывается.)

— У вас был идеальный партнер?

— На самом деле мне очень везло с моими партнерами. У меня было много совершенно замечательных партнеров. Конечно, было несколько, с которыми я не смогла договориться, но с большинством мы остались хорошими друзьями. Например, Жан-Пьер Лео, с которым мы только что снялись в "Деле Маркореллы", Жан-Луи Трентиньян, Вильям Дефо, Билл Кулман, Мартин Донован, Франсин Терез ("За облаками"). Я часто работала с актерами, которые стимулировали меня и помогали работать.

— Есть что-то, чем русские мужчины отличаются от французов?

— Во-первых, французов я лучше понимаю, потому что не говорю по-русски, а это важно. Я говорю "чуть-чуть" (произносит по-русски). Естественно, культуры разные. Я здесь провела всего три месяца, когда снималась у Рязанова в 1991 году, и мне трудно почувствовать культуру...

Я знаю только двух русских актеров, с которыми снималась, — Олега Басилашвили и Андрея Соколова, то есть я только о двух и могу говорить. Но они оба были совершенно разные. Во-первых, это разные поколения. Андрей ближе мне по возрасту, он снимается от одного фильма к другому и меньше работает в театре. Еще у них совершенно разный темперамент, и играют они тоже по-разному.

Так как Басилашвили был еще и депутатом, то по утрам он был на заседаниях правительства, а днем и вечером снимался. В пятницу вечером он возвращался в Санкт-Петербург и играл там две пьесы в субботу и две — в воскресенье. Потом он опять возвращался в Москву, чтобы ходить утром в парламент, а вечером — на съемки. Для меня это было выше всяких человеческих возможностей, я действительно восхищалась им. Это актер, который на самом деле много играет в театре и действительно имеет огромный опыт.

Но что касается фильма, то мы все встретились в одной точке. И как раз в этом заключается роль режиссера — в том, чтобы собрать людей и сделать так, чтобы они понимали друг друга.

— Как же вы общались с Рязановым?

— Раньше я хорошо говорила по-русски. Ну, не совсем хорошо, но по крайней мере "о'кей". Я училась русскому языку у своего переводчика. А сейчас я его немножко забыла, потому что ни с кем не общаюсь. Олег Басилашвили не очень хорошо говорит по-английски, но он мне очень понравился, и мы много общались: поэтому мне приходилось много говорить по-русски. Потом хотя бы раз в год я звонила его семье или ему, но все, что я могу сейчас сказать, это "как дела" или "хорошо"...

На прощание она повторила кокетливо "хорошо" — то ли вопросительно: мол, ничего получилось? То ли утвердительно — но я же овладела русской электроплиткой. А на ресепшн какой-то сотрудник "Шератона" бросился к Ирен с двумя ее фотографиями, выловленными в Интернете, и попросил автограф — себе и дочке. Все-таки неясно, где же прячется тот французский секрет обаяния, такой неприметный с виду, но действующий безотказно абсолютно на всех?

Мария КОСТОКЕВИЧ.